

Щит

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Щ88

Щ88 Щит / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 262 с.

ISBN 978-5-518-02333-8

ISBN 978-5-518-02333-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ.

Небеса! Если въ васъ, въ глубинѣ синева,
Еще живъ старый Богъ на престолѣ,
И лишь мнѣ Онъ незримъ,—то молитесь
хоть вы
О моей окровавленной долѣ!
У меня больше нѣтъ ни молитвы въ груди,
Ни въ рукахъ моихъ силъ, ни надеждъ
впереді...
О, доколѣ, доколѣ, доколѣ?
Х. Бяликъ, „Надъ бойней“.

Съ глубокимъ волненіемъ прочелъ я сообщеніе польской „Новой Газеты“ о бесѣдѣ по еврейскому вопросу съ нѣкимъ лицомъ „изъ сферъ“, повидимому, дѣйствительно освѣдомленнымъ. Предполагается и даже намѣченъ,—такъ сообщило „лицо“,—рядъ мѣръ, клонящихся къ облегченію тяжкой участи евреевъ: уничтоженіе черты осѣдлости по отношенію къ городамъ и мѣстечкамъ, упраздненіе процентной „нормы“ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданіе специальныхъ еврейскихъ училищъ, постановка дѣла еврейской эмиграціи на новыхъ, широкихъ и разумныхъ основаніяхъ. Признаюсь, я не сразу повѣрилъ въ благую вѣсть; да и тѣ, съ кѣмъ подѣлился я новостью, взволнованные не меньше меня, также отнеслись къ извѣстію съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, вполне понятнымъ для русскихъ людей, которыхъ такъ рѣдко и такъ неохотно балуетъ жизнь. Но частные слухи подтверждаютъ извѣстіе, и не вѣрять долге — значило бы сомнѣваться въ самомъ смыслѣ нынѣшней великой „освободительной“ войны, на крови русскихъ, поляковъ, евреевъ и латышей воздвигающей свѣтлый храмъ обновленной жизни. И, наконецъ, я просто душевно не могу не вѣрять, такъ какъ устала моя душа ждать и повторять вмѣстѣ съ великимъ еврейскимъ поэтомъ: „Доколѣ, доколѣ, доколѣ?“

Недавно одинъ старый, повидимому, давно охолодѣвшій и извѣрившійся журналистъ слегка посмѣялся надъ словомъ „чудо“,

которое такъ часто произносится теперь: по его мнѣнію, чудесъ вообще не существуетъ. По моему мнѣнію, также чудесъ не существуетъ, если подь словомъ „чудо“ понимать произвольное нарушеніе естественнаго, логическаго и неизбѣжнаго порядка вещей; но для меня же, смотрящаго на самое жизнь, а не на таблицу умноженія, — именно логика и является величайшимъ чудомъ. Ахъ, что бы было, если бы логика, дѣйствительно, царила надъ жизнью, если бы въ этой нашей проклятой человѣческой жизни, гдѣ столько безмысленныхъ несчастій, слезъ и дикихъ обидъ, простѣйшее дважды два — четыре не было рѣдчайшимъ чудомъ, равнымъ претворенію воды въ прекрасное вино! Развѣ погибали бы теперь въ страшнѣйшей изъ войнъ милліоны лично ни въ чемъ неповинныхъ людей, если бы ясный силлогизмъ, а не темный и страшный *алогизмъ* лежалъ въ основѣ нашего сложнаго и неразгаданнаго бытія? Логика — вотъ чудо; дважды два — четыре, — вотъ то необыкновенное счастье, которое такъ рѣдко выпадаетъ на нашу долю!

И какъ назвалъ я чудомъ и обрадовался, словно чуду, отрезвленію Россіи и возрожденію Польши, — такъ и близкое разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“, древнѣйшаго и самаго темнаго изъ алогизмовъ, мнѣ кажется чудеснымъ, вѣтъ чѣмъ-то праздничнымъ на душу, вызываетъ чувство свѣтлой и огромной радости, близкой къ благоговѣнію... И то, что для меня, какъ и для многихъ другихъ русскихъ писателей, *все это* никогда не было даже вопросомъ, отнюдь не умаляетъ чувства необыкновенности готоваго совершиться; вѣдь и простой братскій поцѣлуй представляется почти-что чудомъ и способенъ растрогать до слезъ въ ту пору, когда правиломъ жизни и высшей мудростью ея является свирѣпая братская поножовщина.

И какъ мнѣ, русскому интеллигенту, не чувствовать этой необыкновенности, когда на ряду съ разрѣшеніемъ „вопроса“ вдругъ раскрѣпощается и моя душа, выскакиваетъ изъ замкнутаго круга привычно тяжелыхъ и однообразныхъ переживаній, избавляется отъ боли, которая, сопровождая меня всю жизнь, приобрѣла всѣ черты тѣхъ хроническихъ и неизлѣчимыхъ страданій, отъ которыхъ избавленіе только въ могилѣ. Вѣдь если для самихъ евреевъ черта осыдлости, норма и прочее являлось роковымъ и неподвижнымъ фактомъ, искажавшимъ всю ихъ жизнь, то для меня, русскаго, она служила чѣмъ-то въ родѣ горба на спинѣ, неподвижнаго и уродливаго нароста, неизвѣстно, когда и при какихъ условіяхъ полученнаго. Но куда бы я ни шелъ и

что бы я ни дѣлалъ, горбъ тащился со мною; онъ ночью мѣшалъ мнѣ спать, а въ часы бодрствованія, на людяхъ, онъ преисполнялъ меня ощущеніемъ конфуза и стыда, какъ ходячую, хотя и безвинную кривду.

Я не хочу доказывать основательность и справедливость новыхъ мѣропріятій и ломиться въ дверь, которая для меня всегда была открыта, но вотъ объ этомъ горбѣ моемъ я позволю сказать еще нѣсколько словъ. Когда вскочилъ на мою спину „еврейскій вопросъ“? Я не знаю. Я родился съ нимъ и подъ нимъ. Но съ того перваго момента, какъ я сознательно отнесся къ жизни, и вплоть до настоящей минуты я живу въ его предной атмосферѣ, дышу ядовитымъ воздухомъ, которымъ окружены всѣ эти „вопросы“, всѣ эти темные, мучительные, несносные для ума алогизмы.

Кому это нужно? Для кого *это* хорошо? Въдь если это существуетъ, поддерживается, кѣмъ-то яростно и неизмѣнно утверждаетъ, то, въдь, долженъ быть опредѣленный смыслъ: очевидно, черта осѣдлости, учебная норма и прочее увеличиваютъ для человѣчества сумму радостей, поднимаютъ жизнь на высоту, расширяютъ предѣлы человѣческихъ возможностей. Такъ думалъ я, исходя отъ логики, и, отъ той же логики исходя, на всѣ означенные вопросы я могъ отвѣтить только голымъ отрицаніемъ: никому не нужно, ни для кого не хорошо; не только не увеличиваетъ сумму радостей на землѣ, но плодитъ множество совершенно ненужныхъ, бессмысленныхъ страданій, слезъ, крови, давитъ однихъ и скверно развращаетъ другихъ. И, сознавая это, видя ясно, какъ Божій день, что въ еврейскомъ „вопросѣ“ нѣтъ никакого вопроса — я, русскій интеллигентъ, счастливый представитель державнаго племени, чувствовалъ себя безсильнымъ и обреченнымъ лишь на безплоднѣйшее томленіе духа. Ибо всѣ ясные доводы моего интеллигентскаго ума, самыя горячія тирады и рѣчи, искреннѣйшія слезы сочувствія и вопли негодованія неизмѣнно разбивались о какую-то глухую и неотзывчивую стѣну. А всякое безсиліе, если оно неспособно помѣшать преступленію, становится соучастничествомъ; и вотъ получалось въ концѣ-концовъ дикое положеніе: ни въ чемъ лично не погрѣшивъ противъ брата, для всѣхъ третьихъ лицъ и для самого брата я пріобрѣталъ отталкивающее обличье Канна.

И первымъ слѣдствіемъ моего рокового безсилія было то, что еврей *не втрилъ* мнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ я лишился и собственного довѣрія. Сожигельствуя съ евреями, какъ ихъ согражд-

даннѣ, находясь съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, личныхъ, дѣловыхъ, товарищескихъ на почвѣ совмѣстной общественной работы, я такимъ образомъ каждый день буквально лицомъ къ лицу становился передъ еврейскимъ „вопросомъ“—и каждый день съ невыносимой остротой испытывалъ всю фальшь и жалкую двусмысленность моего положенія, какъ угнетателя поневолѣ. Въ докторскомъ кабинетѣ, у себя за столомъ, въ редакціи, на улицѣ, наконецъ, даже въ тюрьмѣ, гдѣ одинаково съ евреемъ выполнялъ я общероссійскую повинность,—я всюду, вездѣ оставался привилегированнымъ „русскимъ“, представителемъ державнаго племени, барономъ, хотя и безъ баронскаго герба. И съ ужасомъ я видѣлъ, какъ даже въ глазахъ друга-еврея мелькаетъ какая-то тѣнь... какіе-то страшные образы встаютъ за моими русскими и дружескими плечами и въ мою искреннюю рѣчь о „гражданствѣ міра“ вплетаютъ совсѣмъ неподходящіе звуки и голоса... А вѣдь онъ меня зналъ, зналъ мое отношеніе къ евреямъ,—а что же съ тѣми, которымъ извѣстно про меня только то, что я „русскій“?

Помню, какъ я однажды цѣлую ночь спорилъ съ однимъ талантливейшимъ писателемъ-евреемъ, моимъ случайнымъ и радостнымъ гостемъ. И я убѣждалъ его, что онъ, рѣдкій мастеръ слова, долженъ писать, а онъ упорно твердилъ, что, всей своей душой художника любя русскій языкъ, онъ не можетъ писать на немъ—на томъ языкѣ, гдѣ существуетъ слово „жидъ“. Конечно, логика была за мною, но за нимъ стояла какая-то темная *правда* (она не всегда бываетъ свѣтлою), и я чувствовалъ, что постепенно мои горячія убѣжденія начинаютъ звучать фальшью и дешевымъ пустозвонствомъ. Такъ я и не убѣдилъ его, а, прощаясь, не рѣшился его поцѣловать: сколько *неожиданныхъ* смысловъ могло оказаться въ этомъ простомъ, обыденномъ знакѣ расположенія и дружбы?

Плохо дѣло, когда даже поцѣлуй становится подозрительнымъ и можетъ имѣть „толкованія“, какъ сложный актъ сложныхъ и загадочныхъ отношеній! А такъ и было; и сколько дикихъ, кошмарныхъ недоразумѣній порождалъ ядовитый болотный туманъ въ которомъ бродили всѣ мы, друзья и враги, въ которомъ очертанія самыхъ простыхъ предметовъ и чувствъ пріобрѣтали зловѣщую искаженность фантомовъ. Не могу здѣсь не вспомнить о кошмарномъ, въ свое время нашумѣвшемъ случаѣ съ Е. Н. Чириковымъ: благороднѣйшій и пламенный защитникъ гонимаго племени, авторъ драмы „Еврей“, послужившей, какъ ни одна другая русская драма, къ разсѣянію злостнаго предрасудка,—

онъ вдругъ въ самымъ безсмысленнымъ образомъ, безъ тѣни какихъ бы то ни было оснований, былъ оскорбленъ обвиненіемъ въ антисемитизмъ; и нужно было еще *доказывать*, что это — неправда. Какая тяжелая, какая со всѣхъ сторонъ позорная бессмыслица!

Кому все это нужно? Кто же этого не знаетъ? думаль съ тоскою каждый изъ насъ, снова и снова видя передъ собою мучительную необходимость: убѣждать кого-то *неутрущаго*, что дважды два—четыре... четыре!!

А за границей? „Какая несправедливость!“—думаль я, когда вся эта культурная заграница, отдѣливъ отъ меня Толстого, точно я его укралъ, немедленно предъявляла мнѣ строжайшій счетъ за извѣстные всему міру „эксцессы“ и недвусмысленно косилась на мой извѣчный горбъ. Но она не желала знать, что я тоже вообще противъ *этого*, для нея я былъ русскимъ, и говорила она такъ: скажите, почему у васъ, въ Россіи?..

Смѣшно теперь и дико подумать, что наше пресловутое „варварство“, въ которомъ обвиняютъ насъ враги и которое нашихъ друзей дѣлаетъ столь нерѣшительными и конфузливыми, все цѣликомъ и исключительно основано на нашемъ еврейскомъ вопросѣ и его кровавыхъ эксцессахъ. Отнимите отъ Россіи эти эксцессы, оставьте даже антисемитизмъ, но въ тѣхъ внѣшне пристойныхъ формахъ, въ которыхъ его доживаютъ зады самой Европы, и мы сразу станемъ очень приличными европейцами, отнюдь не азіатами и варварами, мѣсто которыхъ—за Ураломъ. *Это—фактъ*, очевидность котораго подчеркивается каждымъ новымъ днемъ войны.

Да, конечно, мы очень отстали въ культурномъ отношеніи, крайне слабо развита наша промышленно-экономическая жизнь, не высока наша гражданственность, и во всѣхъ формахъ быта чувствуется ясно, что мы еще не совсѣмъ вылупились изъ яйца. Но мы молоды, мы еще только начинаемъ и уже сдѣлали довольно много для народа, который всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ уничтожилъ крѣпостное право, и въ крайнемъ случаѣ справедливый европеецъ можетъ упрекнуть насъ только въ малокультурности. Но произнесите рядомъ съ „русскимъ“ слово „еврей“,—и я сразу становлюсь варваромъ, темнымъ и страшнымъ человѣкомъ, отъ котораго вѣтъ холодомъ и мракомъ на свѣтозарную Европу; тотчасъ же начинаютъ меня ненавидѣть въ Америкѣ, презирать въ Англии и Франціи, съ быстротою театральныхъ превращеній изъ соотечественника Толстого я превращаюсь въ родного брата тѣхъ, которые загоняютъ гвозди въ голову, — я *варваръ*. И даже

нѣмецкій антисемитъ, существо тупое и ничтожное, смотритъ на меня свысока и предупреждаетъ Англiю: смотрите, съ кѣмъ вы идете—вѣдь это тѣ самые, которые!...

Кому это выгодно, чтобы Европа презирала меня, ненавидѣла и боялась? — думалъ я въ недоумѣнii, чувствуя, какъ на европейскомъ солнцѣ безмѣрно вырастаетъ мой проклятый горбъ, и словно экраномъ, закрываетъ тотъ свѣтъ, который съ „востока“ и въ который вообще не прочь бы повѣрить утомленный и пожилой Западъ. Кому это нужно, чтобы я, какъ оплеванный, шатался среди культурныхъ народовъ, избѣгалъ назвать себя русскимъ и дикой роскошью „чаевыхъ“, бросаемыхъ направо и налево, добывать проницескiй поклонъ, столь необходимый моему непризнанному достоинству? Варваръ, варваръ!..

Война на многое открыла глаза, и въ этомъ для насъ, русскихъ, печальное счастье войны. И теперь, когда Германiя клеймитъ Францiю и Англiю за союзъ съ „варварами-русскими, которые...“, когда союзники, опираясь на нашу же стихiйную силу, за кулисами своихъ громкихъ симпатiй трепещутъ отъ сомнѣнiй и страха.—я начинаю догадываться, кому это было выгодно, кому было необходимо, чтобы въ сонмѣ европейскихъ государствъ мы остались одиноки съ нашимъ варварствомъ. То, что — несчастье для насъ, то является счастьемъ—для сосѣдки, Германiи, съ ея „испытанной“ дружбой, на которую громогласно ссылался Вильгельмъ съ балкона своего дворца. Какъ варвары, мы только превосходный и незамѣнимый рынокъ для нѣмецкихъ мертвыхъ и живыхъ товаровъ, двухсотмиллионное стадо барановъ для стрижки; какъ культурный народъ—мы опасная сила для мечты о мировомъ захватѣ.

И еврейскiй вопросъ съ его эксцессами и гвоздями въ голову—это тотъ козырь, который всегда хранился за обшлагомъ у честнаго германскаго сосѣда и въ нужную минуту выбрасывался на зеленый столъ. И онъ былъ правъ съ своей игрецки-германской точки зрѣнiя, чуждой сантиментализма и простой честности,—но мы-то! Мы-то за что испивали эту горькую чашу! Теряя уваженiе къ себѣ, не вѣря въ свою силу, жалко развращаясь въ условiяхъ противоестественнаго существованiя, насильственно уменьшая „нормой“ количество своихъ образованныхъ и культурныхъ людей—вотъ, по-истинѣ, шутка самого дьявола!—мы всѣмъ народомъ старательно исполняли тотъ „Танецъ Дураковъ“, который еще недавно подъ видомъ пьесы изъ русской жизни съ такимъ успѣхомъ шель на берлинскихъ сценахъ. Вѣдь

не нужно забывать, что горячій польскій антисемитизмъ, который теперь такъ пугаетъ насъ и такъ затрудняетъ дѣло новаго строительства, что холодный антисемитизмъ финляндскій, всей силы котораго мы еще не знаемъ, — есть лишь логическое развитіе основного абсурда, его естественные и ядовитые плоды. Но объ этомъ пока еще не время говорить.

Да простится мнѣ, что въ столь важный для еврейства часъ я упорно говорю не о немъ, не о его страданіяхъ, а о насъ. Повторяю, для меня еврейскій вопросъ никогда не былъ вопросомъ, и мнѣ нѣтъ надобности для оправданія новыхъ мѣропріятій ссылаться на геройство евреевъ въ дѣлѣ обороны Россіи, на ихъ трагическую по своей вѣрности любовь къ Россіи; доказывать же еще и еще разъ, что „еврей—тоже человѣкъ“, значило бы не только слишкомъ низко кланяться абсурду, но оскорблять тѣхъ, кого любишь и уважаешь. И когда я настойчиво продолжаю говорить о себѣ и *своихъ* страданіяхъ, то это не эгоизмъ личности, даже не грубый эгоизмъ класса — это простительный эгоизмъ цѣлаго народа, который слишкомъ долго игралъ жалкую роль на подмосткахъ Европы и въ собственномъ сознаніи, который нынѣ, отрекаясь отъ страданій вчерашняго дня, въ зарѣ новыхъ дней ищетъ возможности, — о, только возможности! — уважать себя.

Да, мы еще варвары, намъ еще не вѣрять поляки, мы еще темный страхъ для Европы, неразгаданная угроза ея культурѣ, но мы больше не хотимъ ими быть, мы стосковались по чистотѣ и разуму, насъ безмѣрно тяготитъ наше жалкое рубище. Еврейской трагической любви къ Россіи соотвѣтствуетъ наша столь же трагическая въ своей вѣрности и нераздѣленности любовь къ *Европѣ*, — вѣдь мы сами *евреи Европы*, наша *граница* — та же *черта осѣдлости* нашей, своеобразное русскіе Гетто. И пусть наши Пушкинъ и Достоевскій, какъ вашъ Бяликъ, доказываютъ Европѣ, что мы—тоже люди... намъ не вѣрять, какъ не вѣрять и вамъ: вотъ то равенство, въ которомъ можемъ всѣ мы почерпнуть горькое утѣшеніе, вотъ та кара, которою справедливая жизнь мститъ русскимъ за страданія евреевъ!

Жажда самоуваженія — вотъ то основное чувство, которое сейчасъ, въ дни страшнѣйшей войны, съ неслыханной силой охватило все русское общество, подняло народъ на небывалую красоту подвига и заставляетъ страшиться всего, что напоминаетъ печальное прошлое наше. Оттого такъ невыносима травля нѣмцевъ; мы не хотимъ никакой травли; оттого такъ ненавистно

все, что, какъ отрывка вчерашняго пьянства, искажаетъ наши безкорыстныя намѣренія и цѣли: лучше свое уступить, чѣмъ взять чужое лишнее, — вотъ лозунгъ нынѣшняго большинства. Развѣ могла бы совершиться *трезвость*, если бы не это передпричастное чувство наше? Заслуженно гордясь побѣдами нашего славнаго воинства, какъ тщательно скрываемъ мы эту гордость, копимъ ее въ душѣ, какъ драгоценнѣйшее, и какъ ненавистно отсюда всякое хвастовство и величаніе! Не съ надменностью праведнаго фарисея идемъ мы къ алтарю, а съ покаянной молитвой: по яко разбойникъ исповѣдую Тя.

Надо всѣмъ понять, что конецъ еврейскихъ страданій — начало нашего самоуваженія, безъ котораго *Россіи не быть*. Пройдутъ черные дни войны, и нынѣшніе «варвары-германцы» снова станутъ культурными германцами, къ голосу которыхъ снова будетъ прислушиваться весь міръ. И необходимо, чтобы ни этотъ голосъ и никакой другой уже больше никогда не произнесъ во всеуслышаніе: «варвары русскіе».

Л. Андреевъ.

РАНЕНЫЙ.

Передъ моими глазами часто встаетъ одинъ печальный и тревожный образъ.

Это было въ Петроградѣ, на лѣстницѣ громаднаго новаго дома, гдѣ въ одной изъ квартиръ устроенъ частный лазаретъ; когда я вошелъ въ швейцарскую, чтобы пройти къ знакомому, она была полна только-что прибывшими ранеными, и у зеркальной двери толпились любопытные. Домъ этотъ новый, богатый, и лифтъ, на которомъ поднимали раненыхъ, заботливо обтянули какой-то холстиной: иначе испачкають бархатъ и напустятъ насѣкомыхъ въ щели.

Наверху раненыхъ ласково встрѣчалъ у лифта какой-то священникъ и человекъ въ бѣломъ балахонѣ; и раненые, поцѣловавъ руку у священника, видимо, смущаясь слишкомъ яркаго свѣта и роскоши, неловко и молча входили въ открытую дверь лазарета. Тяжелыхъ, на носилкахъ, не было, всѣ шли на своихъ ногахъ; смотрѣть на нихъ было очень тяжело.

Въ одной изъ послѣднихъ партій, поднятыхъ лифтомъ, одинъ раненый солдатъ какъ-то особенно сталъ всѣмъ замѣтенъ. Это былъ молодой, худенькій, небольшого роста, страшно блѣдный еврей, простолоудинъ; и всѣ раненые были блѣдны, но у этого блѣдность носила тотъ нѣсколько зловѣщій оттѣнокъ, какой бываетъ у людей истощенныхъ, малокровныхъ или безнадежно больныхъ. Онъ шелъ самъ, слабо перебирая ногами, и какъ и всѣ поцѣловалъ, наклонившись, руку у священника; но едва ли онъ понималъ, что дѣлаетъ, и въ этомъ поцѣлуѣ не было ни хорошаго, ни плохого. Раненъ онъ былъ, повидимому, въ руку, которую несъ оттопыривъ: часть пальцевъ была обмотана, а другіе, живые, были покрыты корою грязи и крови. Но на шинели, на спинѣ, темнѣло большое коричневое пятно крови, очень большое, въ полспины; и среди мягкой по сторонамъ матеріи оно

стояло, какъ накрахмаленное, не сгибаясь. И въ этомъ страшномъ пятнѣ скрывалась вся простая исторія боя и раны.

Но замѣтнымъ дѣлало солдата не это пятно, которое было и у другихъ, а его блѣдность, худоба и мелкота и, при блѣдности—выраженіе совсѣмъ особенной пугливости и какъ бы незнания: такъ ли онъ поступаетъ и туда ли пришесть. У другихъ раненыхъ, не-евреевъ, такого выраженія не было: они смущались, но не робѣли, и въ дверь шли прямо.

И тогда мнѣ вспомнился разсказъ одного военнаго санитаря, ходящаго съ поѣздомъ, что раненые евреи *стараются* не стонать. Этому трудно было повѣрить, и я сразу не повѣрилъ: какъ возможно, чтобы раненый, только-что подобранный, лежащій среди другихъ раненыхъ, старался не стонать, когда всѣ стонуть? Но санитаръ подтвердилъ свой разсказъ и добавилъ: *они* боятся привлечь на себя вниманіе.

Еврей-солдатъ ушелъ за другими въ лазаретъ, и дверь закрылась; но образъ его, печальный и тревожный, остался передъ моими глазами. Конечно, и *онъ* старался не обращать на себя вниманіе—въ этомъ разгадка его пугливости; и когда его перевяжутъ и уложатъ, онъ также будетъ стараться не стонать. Ибо гдѣ его право: стонать громко? Очень возможно, что въ Петроградѣ онъ не имѣетъ даже права жительства и допущенъ только, какъ обладатель раны: право непрочное; и то, что для другихъ родной домъ, для *него* нѣчто въ родѣ почетнаго плѣна: и поддержать, подержать, а потомъ и выпустятъ, скажутъ—ступай, ты здѣсь быть не долженъ.

А если къ *нему* захочетъ пріѣхать мать или сестра или отецъ, которые также не имѣютъ права жительства, но которымъ хочется и надо поцѣловать эту кроваво-грязную руку, защищавшую какую-то Россію, руку сына—тогда какъ?

Но эти размышленія и вопросы пришли потомъ; а въ ту минуту, какъ я моими мирными глазами видѣлъ это кровавое заскорузлое пятно и эту страшную блѣдность войны и этотъ ненужный страхъ передъ роднымъ—мнѣ было только тяжело и печально, какъ никогда.

Л. Андреевъ.